

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В26

Художественное оформление серии *С. Прохоровой*

Издание осуществлено при содействии
литературного агента *Н. Я. Заблоцкиса*

Веденская, Татьяна.
В26 Экстрим, или Девушка с амбициями : роман / Татьяна Веденская. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с.

ISBN 978-5-04-089490-1

Любимая работа, приличный заработок, независимость — у талантливого адвоката Ларисы Лапиной было все, вернее, почти все. Недоставало лишь мужчины. Лара могла выбирать любого, но... К сожалению, выбрала не того. Павел не оправдал ее надежд, не смог сделать счастливой и, более того, не захотел стать отцом их общему ребенку... И что же теперь? Смириться с жалкой участью матери-одиночки? Утонуть в море слез? Нет! Нам, современным женщинам, это не подходит. Мы — творцы собственной судьбы. Нам не составит труда переписать неудачный роман набело и привлечь к себе достойного героя. Достойного! Такого, который подарит МАКСИМУМ СЧАСТЬЯ. Он будет по-настоящему сильным и не побоится проиграть даме сердца, а проиграв, станет уважать и ценить ее еще больше. Ибо нет у мужчин более сильного соперника, чем умная женщина!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089490-1

© Саенко Т., 2017
© Оформление.
000 «Издательство «Э», 2017

Часть первая

ВХОД — РУБЛЬ, ВЫХОД — ДВА

ГЛАВА 1

БОЛЬШАЯ ЧЕТВЕРКА

Когда я выхожу по утрам из дома, мне хочется петь. Иногда хочется так сильно, что я еле себя сдерживаю. Особенно если на улице весна или теплое солнечное лето, позволяющее мне демонстрировать лучшие платья. Я счастливый человек! Когда из динамиков моего автомобиля звучит Линда, за лобовым стеклом — солнце, а на дорогах Москвы нет пробок, я сразу чувствую — жизнь удалась. Конечно, я не пишу эти слова черной икрой по красной, но в принципе у меня все хорошо. Мне двадцать пять лет, у меня хорошее образование, работа и прочие составляющие сладкой жизни. Кроме того, на свете достаточно людей, испытывающих периодическую потребность набрать номер моего мобильного телефона и сказать:

— Привет, Ларка. Как дела?

— Отлично, а у тебя как? — отвечаю я всем подряд, хотя далеко не всегда меня это действительно интересует.

— Спасибо. Тоже нормально. Пошли вечером в клуб?

— А что там?

— Будут «Мультфильмы». Пойдешь?

— Я не фанат «Мультфильмов», ты знаешь, но почему бы и нет, — соглашаюсь я. Когда еще, если не в двадцать пять, плясать до упаду в ночных клубах? Разве захочется мне в семье-

сят лет пропить ползарплаты, заказывая исключительно текилу? Я хожу на вечеринки, неплохо осведомлена о театральных премьерах и не ударю в грязь лицом в ресторанах.

— С вами приятно иметь дело, — говорят мне на работе клиенты. Они платят деньги, часть которых шеф платит мне. Это позволило мне неделю назад сменить старые «Жигули» на маленький французский автомобильчик красного цвета. «Пежо 206», малолитражка, настоящая городская машина. Дорогая, довольно редкая, но очень, оч-чень красивая и удобная. Когда я пролетаю на ней по широким столичным дорогам, все вокруг провожают меня завистливыми взглядами. Впрочем, тут я немного загнула. Я же не вижу, какими взглядами они меня провожают. Вполне допускаю, что они плюют мне вслед.

— Совсем зажрались, проклятые буржуи. Не могла эта стерва выбрать машину поскромнее? Ишь, кровавая какая окраска.

— Да небось спит с каким-нибудь бандюком!

— Конечно, откуда у нее свои-то бабки?

— Такие-то деньжищи! — и плюют себе под ноги.

А что, очень может быть. Почему-то наш многосложный народ не может допустить мысль, что молодая, красивая девушка сама зарабатывает себе на автомобиль, квартиру и ежегодный билет в какой-нибудь прекрасный уголок планеты. А меж тем все это именно про меня. Мои родители — самые обычные люди. Папа — инженер, потерявший любимую работу в пожарище перестройки. Теперь он два раза в неделю охраняет автостоянку, поливает грязью демократов, ругается на рынке из-за цен и допекает мою маму. Мама — Женщина с большой буквы, всю свою жизнь посвятила мне. Растила, кормила, любила, воспитывала. Помогала делать уроки, вставала в шесть утра, чтобы успеть приготовить нам с папашкой завтрак. Всегда бу-

ду благодарна ей за то, что в нашем доме не переводился компот. И не какой-то там консервный суррогат, а настоящий, свежесваренный и остуженный на подоконнике компот из сухофруктов. Сколько бы я его ни выпивала, мама варила новый.

За нашим кухонным окном папа прибил кормушку для снегирей, и зимой часто я обедала с ними вместе. Они клевали пшено, которое подсыпала заботливая мама, а я сидела за столом возле окна, «клевала» котлету и смотрела на снегирей. Птички привыкли ко мне и не стеснялись. В общем, детство мое было теплым и уютным, но вот уж богачами мои родичи не были. Так же, как и все, высчитывали деньги на санки или новые джинсы. Вместе со всей страной ждали аванса и полочки. В то время вообще было принято быть как все.

И любовничком-олигархом мне к двадцати пяти годам обзавестись не удалось. Сказать, что я обделена мужским вниманием, — было бы погрешить против истины. На светофорах на меня оборачиваются очень часто.

— Девушка, а что вы поделываете?

— Жду зеленого!

Такие диалоги раньше случались чуть ли не каждый день. Впрочем, обычно подобные знакомства ограничивались предложением перепихнуться по-быстрому на заднем сиденье автомобиля. Поскольку я противник случайных связей, то в конце концов перестала реагировать на бибикание и улюлюкание. А французский автомобиль я купила после того, как мне удалось сдать экзамен в коллегии адвокатов. Шесть долгих лет, с восемнадцати до двадцати трех, я грызла гранит науки в юридической академии, а потом с дипломом в зубах и в страшно неудобном деловом костюме, единственном на тот момент, штурмовала московские юридические консультации в поисках работы.

«У меня есть диплом, я исполнительная, знаю компьютер, могу работать без выходных и перерывов на обед. Не против секса с боссом». — Таким было мое резюме и, несмотря на то что молодых голодных юристов и без меня было предостаточно, я нашла-таки себе козырное место. Ленинский проспект, роскошный офис на первом этаже длинного красивого дома, почти свой кабинет. Почти, так как нас, помощников адвоката, было трое, как и столов в кабинете помощника адвоката. И босс — адвокат Рафик Иванович Аганесов, очень волосатый армянин лет сорока пяти, который заинтересовался последним пунктом моего резюме.

— Доченька, это не очень хорошо — встречаться с женатым мужчиной. И потом, он же твой начальник. Что ты будешь делать, когда он тебя бросит? — причитала мама, когда я в очередной раз отправлялась на работу в короткой кожаной юбке.

— Что делать, мама? Это же такое место, и он не так уж плох. Настоящий мужчина, немножко только чужой. И потом, когда он меня бросит, многое станет проще, — отвечала я и не кривила душой.

Аганесов был галантен, водил по ресторанам, снимал номера в очень приличных гостиницах и прибавлял мне зарплату соразмерно нашему духовному сближению. Когда же наконец его беспокойный взор отвернулся от меня и приковался к ногам новенькой секретарши, я окончательно покорила его своим прагматичным и разумным отношением к особенностям мужской психологии.

— Милый Рафик, я никогда не надеялась стать женщиной твоей жизни. Тем более что у тебя есть жена и четверо детей. Но мне было с тобой хорошо, и ты многому меня научил. Мы

прекрасно работаем вместе, и я всегда готова прикрыть тебя перед женой. Так что увольнять меня нет никакого резона.

— Но тебе не будет больно видеть рядом со мной другую? — уточнил он.

— Нет. Я желаю тебе счастья, как, впрочем, и себе, — завила я Рафика и осталась помощником адвоката в его конторе. А это не так мало. Особенно теперь.

Когда я изъявила желание сдать квалификационный экзамен, Аганесов расчувствовался, вспомнил былое и дал мне такие рекомендации, что корку адвоката мне выдали с первого раза. И вот тогда, на радостях и предвкушая будущие гонорары, я приняла решение купить в кредит на пять лет мой маленький автомобильчик. Маленький, но ведь мне там не роту солдат возить. Конечно, перспектива пять лет ходить в Сбербанк и отдавать свои кровные не очень впечатляла, но копить, отказывая себе во всем, при этом продолжая дергать рычаг отечественной коробки передач, было еще более невыносимо.

— Обмоем? — предложила я своим самым близким подругам числом три штуки.

— Еще бы! — закивали они. Я буквально видела, как они облизнулись.

— Куда изволите? — спросила я, прикидывая, как бы выгул подруг не обошелся мне дороже первого взноса за автомобиль.

— А поехали в тот пансионат, куда тебя Рафик возил, — не постеснялась общественность.

— Здрости-мордасти, вы в своем уме? Это ж бешеные бабки.

— А ничего не знаем. Хотим природу, хотим баню на берегу Дубны. Хотим текилы, — отрезали подруги.

Единственное, в чем мы достигли консенсуса, это то, что за номер в дорожном пансионате заплатим на паях.

— Но баня и выпивка — за твой счет.

— Тогда вы обязаны сделать этот вечер незабываемым! — отрезала я и поехала в банк за наличными.

И вот мы мчимся по Дмитровскому шоссе в красивый пансионат. Я за рулем, рядом моя самая любимая сокурсница Дашка Зайницкая, девушка солнечная и теплая. Сидит, щелкает кнопками радиопрограмм и улыбается.

— У тебя есть «Серебряный дождь»?

— «Дождь»? Нет. Я не люблю, когда много новостей и умных разговоров. Мне умных разговоров хватает на работе.

— А что ты тут нашла? Какой-то тяжелый рок, фу.

— Это «Максимум». Между прочим, самая прогрессивная радиостанция, — обиделась я.

Но Дашка переключила на «Хит-FM» и стала рассказывать про перипетии своего многотрудного коллектива. Она работала охранником в штате службы безопасности иностранного посольства. Как и при каких обстоятельствах она, девушка с высшим юридическим образованием, облачилась в армейскую форму — отдельная песня. Но работа ее была столь разнообразно идиотической, что Дашке всегда было о чем рассказать.

— Так вот, когда мы сидели на проходной, пришел проверяющий. Мишка читал Маринину, я дремала, уткнувшись в какие-то папки с бумагами на столе.

— И что?

— Проверяющий зашел и рявкнул мне: «Доложите обстановку». Смотрит волком, словно ему только что понизили зарплату. Такая сволочь!

— А ты?

— А что я могла? Ведь совершенно очевидно было, что я сплю, а он читает.

— Кто? — не поняла я.

— Мишка, мой напарник. Ну, думаю, сейчас нам с ним на пару устроит сладкую жизнь этот хрен.

— Почему?

— Запрещено.

— Что именно? Спать? Или читать?

— Все, — сделала страшные глаза Дарья.

— А что надо делать? — усмехнулась Марго, которая к работе Зайницкой относилась в высшей степени презрительно.

— Исполнять служебный долг. Бдеть.

— Понятно... — протянула я. — А дальше что?

— Я продрала глаза и смотрю на этого хрена с горы так честно-честно. И рапортую: «Изучаем должностную инструкцию». Он прямо подавился от злости. Говорит: «Где же она?» А она и лежала в той папке, на которой я закемарил.

Тогда он подскакивает к Мишке и шипит: «Читаешь? А ты что, забыл, что это запрещено? Предупреждение с занесением захотел?»

— И влепил?

— Ну щаз. Я подхожу и говорю ему, что, мол, никак нет. Никто не читал на рабочем месте. Он пояснял мне, как следует трактовать должностную инструкцию в тех или иных случаях.

— А Маринина зачем?

— Ага! Вот и он спрашивает — зачем, мол? И тут я выдаю коронное: Михаил использует данную книгу как пособие для демонстрации.

Дашка рассмеялась, видимо, вспомнив выражение лица проверяющего, а я задумалась. Интересно, каким пособием может служить книга? А, ладно, все чушь.

Я снова уперлась взглядом в дорожное полотно. У Дашки на работе настоящая армия. Как она выдерживает это — непо-

нятно. Но ради такой зарплаты, которую платит импортный дядя, люди способны проявлять чудеса терпения.

— Чем закончилось-то?

— Проверяющий вытаращился на меня, что-то пробормотал себе под нос и уполз. Гнида. Зато теперь я для всех ветеранов охраны — своя в доску. Не сдала товарища. Правда, этот на нас окрысился.

— Увольняйся. На хрен тебе такое терпеть? — вставила свое веское слово с заднего сиденья Маргарита, девушка больших внешних и внутренних достоинств.

У Маргариты никаких проблем с самооценкой, она у нее достаёт до облаков. Нам всем до нее далеко. В институте в нее перевлюблялись все мальчики с потока. Всегда роскошно одета, со вкусом накрашена. Мне рядом с ней несколько неуютно, так как всегда найдется то сломанный ноготь, то пятно на юбке. Да что там, порой и вовсе ни капли макияжа и лицо помятое, заспанное. Позор.

— А жить как? — уточнила Дашка этот самый скользкий при потере работы момент.

— У тебя же муж? Его задача — обеспечить тебе достойный уровень жизни, — сказала как отрезала Марго.

Дашка вздохнула:

— Он обеспечит, как же.

— Да ладно вам, девки. Чего вы нагружаетесь? Мы едем в лес, на природу, а вы тут кислитеесь, — принялась снимать напряжение Алина.

Сколько ее помню, она всегда снимала любое напряжение. Расслабьтесь — ее главная жизненная рекомендация. Когда мы учились в институте и дрожали перед экзаменом по административному или еще какому-нибудь праву, Алина улыбалась, пила кока-колу и говорила нам:

— Расслабьтесь. Очень надо кому-то вас валить.

Самое интересное, что в основном она оказывалась права. С ней было весело, именно она чаще всего вытаскивала меня на разные вечеринки, пати и сейшены. Чего только мы не творили, когда с нами была Алина.

— Пошли выпьем по стакану водки и перетрахаемся со всеми, с кем успеем, — это был ее жизненный девиз. — А что ж, молодости просто так проходить? Следовать нормам морали будем после пятидесяти.

— Да ты от триппера раньше загнешься, — корили ее мы.

Но какие из нас воспитатели, если сами были хороши. Так что мы гармонично принимали Алинкину распущенность, которая, впрочем, проявлялась больше на словах.

— Расслабьтесь. Подумайте о Дубне, о банщиках, о шашлыках, — попробовала она разрядить обстановку.

— И о том, что все это за счет Лариски, — подлила дегтя Марго.

— Будешь высказываться в таком духе, я тебя высажу прямо посреди этих бескрайних полей. Будешь у русского поля как тонкий колосок, — напугала я ее.

Марго ни черта не напугалась и продолжала меня дразнить до самого пансионата.

Пансионат принял нас в свои стильные индейские объятия. Было около пяти часов вечера, я дико наслаждалась роскошной машинкой, и никакие мелкие подзуживания старых подруг не могли сбить меня с толку. Я аккуратно припарковала ее около забора, и мы пошли оформляться.

Каждый раз, когда я попадала в этот пансионат, мне хотелось остаться здесь навсегда. Впервые меня привез сюда Ага-несов. Я была потрясена, когда из глубины русской деревни с ее покосившимися домишками и пьяненькими мужичками на

лавках около пивнушки вдруг вынырнули роскошные белые здания в стиле Индианы Джонса. Тяжелые дубовые двери, резные балконы, повсюду чучела то птиц, то волков. Индейские национальные наряды. Красота, покой, сосны до небес и настоящий заграничный сервис. Мини-бары и обслуживающий персонал были везде. Буквально, если бы мне захотелось в лесу поест земляники, мне бы ее тут же подали вместе с чеком. И зимой тоже, как мне кажется. Аганесов бегал за мной два дня, постоянно пытаюсь заманить в номер. Но любовные утехи мне к тому времени страшно осточертели, и я уклонялась от них путем посещения всех возможных увеселений пансионата.

— Господи, какая красота! — воскликнула Алина. — Здесь небось и мужики водятся!

— Ты можешь хоть раз в жизни провести время с нами? — возмутилась я.

— Да брось ты. Что мы будем делать с неудовлетворенной Алиной? — утихомирила меня Дашка, и мы пошли в ресторан.

В общем, мы радовались-наслаждались чудесами цивилизации, попили-поели, а поскольку у нас усов не было, то все в рот к нам попало, и после ужина мы, охая и ахая, отлеживались в номере.

— Тут пять пакетиков с шампунем. Один лишний, — пересчитала все бдительная Марго.

— Можешь забрать себе два пакетика, ты ж чистюля, — лениво промямлила я. Страшно хотелось спать.

— Я заберу три. А лучше потерпите до завтра. В бане и помоемся, — решила нашу судьбу она.

— Воистину, жить надо на природе! Какой воздух, какая свобода и чистота. Я чувствую себя восемнадцатилетней, — воскликнула Дашка.

— Эка невидаль! Вот если ты себя восемнадцатилетней

почувствуешь в сорок — я пойму. А это — ерунда на постном масле.

— Язва ты, Марго.

— Это от недотраха, — промолвила я.

Все зафыркали, но что поделаешь, если я привыкла называть вещи своими именами.

В общем, провести сутки в одном номере и не передрасться до кровавых ссадин — это тоже своеобразный подвиг для нас, но, поскольку все мы девушки серьезные и взрослые, мы выдержали. Назавтра после обеда, где-то около трех, мы сидели в бане, замотанные в простыни, и поднимали стаканы за нас.

— За большую четверку! За нас, таких красивых и умных. — Мы согласно кивали и выпили.

Дальше все вернулось на круги своя. Так получается, что, когда собирается компания, в которой больше одной женщины, разговор всегда переходит к двум темам: как похудеть и про мужиков. Причем я бы сказала, что темы эти — две стороны одной медали, но коллектив не был со мной согласен.

— Ну как же? Что в этом общего?

— Мы худеем, чтобы словить мужика, — заявляла я.

— Ну конечно. Я худею, чтобы прежде всего нравиться самой себе, — утверждала Марго.

— Мужикам на вес наплевать, — уверяла нас Даша.

— Почему это?

— Мой муж с таким удовольствием щупает меня за жир, — ухмыльнулась она, — и вообще, если верить его рукам, то задница — главное достоинство, которым я владею. А она у меня, сами знаете, не из маленьких.

— Да уж, — вздохнули мы и задумались каждая о своей заднице.

— А ты как считаешь, зачем худеть? — спросила я у Алинки.